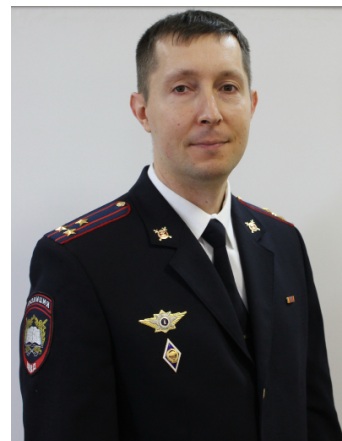

Ю.Л. Сироткин

**ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЙ АСПЕКТ ПОЛЕМИКИ
ВОКРУГ КНИГИ И.А. ИЛЬИНА «О СОПРОТИВЛЕНИИ
ЗЛУ СИЛОЮ» (БЕРЛИН, 1925) В РУССКОМ ЗАРУБЕЖЬЕ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 20-Х ГОДОВ XX ВЕКА**

**THE SPIRITUAL AND MORAL ASPECT OF THE DEBATE
AROUND THE BOOK OF I. ILYIN,
"ABOUT THE RESISTANCE TO EVIL BY FORCE" (BERLIN,
1925) IN THE RUSSIAN DIASPORA OF THE SECOND HALF
OF 20-IES OF THE TWENTIETH CENTURY**

Введение: актуальность проблематики преодоления зла с использованием силовых средств определяется усиливающейся угрозой зла в специфических проявлениях, свойственных социальным реалиям XXI века. Осложняет ситуацию углубляющаяся пропасть между Миром и Духом. Поэтому поиски оптимальных подходов к решению проблемы сориентированы предметно-практической сферой социальной деятельности. Основанием современных интерпретаций преодоления зла является раскрытие смысловых приоритетов развернувшейся во второй половине 20-х гг. полемики вокруг книги И.А. Ильина «О сопротивлении злу силою», в которой приняли участие представители российской эмиграции различных политических взглядов и идеологических предпочтений.

Материалы и методы: в ходе подготовки статьи использованы аналитический, сравнительно-исторический, сравнительно-сопоставительный методы научного исследования.

Результаты исследования: раскрыты духовно-нравственные положения И.А. Ильина, по которым развернулась дискуссия; проанализированы аргументы участников дискуссии, обусловленные их духовно-нравственными критериями оценки применения силы в борьбе со злом, адекватной источнику угрозы. Раскрываются заложенные И.А. Ильиным духовно-нравственные основания новой парадигмы борьбы со злом посредством необходимости и обязанности борьбы с его проявлениями силой, пропорциональной исходящей от зла угрозы, с акцентом на преодолении зла во внутреннем мире человека.

Обсуждение и заключения: выделяются объективные факторы жизни и общественной деятельности представителей российской эмиграции, предопределившие характер полемики и обусловившие ее остроту. Расставляются смысловые акценты полемических выступлений участников дискуссии.

Ключевые слова: зло, сопротивление, эмигрантская среда, духовность, человек, государство

Для цитирования: Сироткин Ю.Л. Духовно-нравственный аспект полемики вокруг книги И.А. Ильина «О сопротивлении злу силою» (Берлин, 1925) в русском зарубежье второй половины 20-х годов XX века // Вестник Казанского юридического института МВД России. Т. 9, № 1. С. 129-137. DOI:10.24420/KUI.2018.31.11120

Introduction: the relevance of the problem of overcoming evil with the use of force is determined by the growing threat of evil in the specific manifestations peculiar to social realities of the XXI century. The situation is complicated by the deepening chasm between World and Spirit. Therefore, the search for optimal ways to solve problems was oriented by a subject-practical sphere of social activities. The original basis of modern interpretations of overcoming evil is to reveal the meaning of the priorities of controversy concerning the book of I.A. Ilyin, "About the resistance to evil by force" which included Russian immigrants of various ideological predilections.

Materials and Methods: when working on the article analytical, comparative – historical, comparative methods of scientific research were used.

Results: the study revealed the main spiritual and moral provisions of Ivan Ilyin, basing on which a discussion was initiated; various arguments of the participants based on their spiritual and moral criteria

for assessing the use of force adequate source of threat in the fight against evil were analyzed. Spiritual and moral bases of the new paradigm of the struggle against evil through the necessity and duty of combating its manifestations by force proportional to the threat emanating from the evil, with an emphasis on overcoming evil in the inner world of man established by Ivan Ilyin.

Discussion and Conclusions: there are objective factors of life and social activity of representatives of Russian emigration, determined the nature of the controversy and made it acute. The author puts Semantic accents of polemical speeches. It is noted that the soul of man, resisting evil, must constantly take care of the spiritual purification, as another righteous path that would replace the unjust ways of the force and the sword, does not exist.

Key words: evil, resistance, emigrant environment, spirituality, people, the state

For citation: Sirotkin Yu.L. The spiritual and moral aspect of the debate around the book of I. Ilyin, "About the resistance to evil by force" (Berlin, 1925) in the Russian diaspora of the second half of 20-ies of the twentieth century // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2018. V. 9, № 1. P. 129-137. DOI:10.24420/KUI.2018.31.11120

Введение

Выход в Берлине в 1925 г. книги Ивана Александровича Ильина (1883 – 1954) «О сопротивлении злу силою» [1], ставшей впоследствии классическим произведением русской философской мысли, вызвал бурную полемику в эмигрантской среде, которая сложилась во второй половине 20-х гг. XX в. Центрами эмигрантской жизни того времени были Париж, Берлин и Прага. Впрочем, география рассеивания русской эмиграции не ограничивалась перечисленными центрами, равно как и география откликов на книгу. Интеллектуальная среда русского зарубежья не могла остаться в стороне от такой жгучей проблемы, как борьба со злом. Слишком свежи были в памяти воспоминания о революции и гражданской войне, вызвавших массовый исход из России.

Острота поднятых в этой, по словам П.Б. Струве, «трудной книге на сложную и жестко-трудную нравственно-политическую тему» проблем не утратила злободневности и в начале XXI в. Новейшее время со всей остротой его конфликтов обозначило потребность и необходимость в обращении к духовно-нравственным истокам преодоления зла, переводя проблему сопротивления и победы над злом в сферу Духа. «И.А. Ильин, – отмечает современный исследователь, – поселяет добро и зло во внутренний, духовно-душевный мир человека. Преодоление и изживание зла в самом себе – задача, требующая внутренних духовных усилий человека. Не внешние поступки и обстоятельства делают человека добрым, а его внутренняя позиция и точка зрения» [2, с.493]. Актуальность данной проблематики возрастает, как в связи с усиливающейся террористической активностью экстремистских организаций различного толка, так и с обострившейся потребностью поиска духовно-нравственных оснований эволюции современного

общества и человека. Проблема выбора средств сопротивления злу сочетает в себе философско-этическую отвлеченность и практико-конкретную значимость, равно как книга И.А. Ильина выходит за пределы философского трактата и имеет предметно-практическую направленность, что придает ей непреходящую актуальность и делает эту книгу настольной. Она задает направление поиска ответа на вопрос: как преобразоваться духовно, чтобы остановить агрессивные посягательства зла? Духовная сила необходима человеку для борьбы со злом. Именно в высокой духовности видится сила, способная остановить распространение зла. Дело человека – в преодолении зла в самом себе, т.е. в преображении. Дело государства – борьба со злом имеющимися в его распоряжении средствами. Пробуждающийся инстинкт национального самосохранения требует высокой духовности перед лицом вызовов, угрожающих существованию народа в пределах его государственности.

Результаты исследования

По свидетельству А.В. Карташева, книга И.А. Ильина вызвала «шумную и озлобленную полемику», которая в основе имела преимущественно «политические» толкования принципиальных положений автора, озвученных им в том числе в многочисленных выступлениях перед эмигрантской аудиторией в городах рассеивания. И.А. Ильин предложил социально-политическое и философско-религиозное обоснование идеи сопротивления злу силой в свете православного христианского учения, что составляет духовно-этический план оценки борьбы со злом. Социально-политический по преимуществу и в меньшей степени философско-религиозный аспекты полемики исследованы Н.П. Полторацким [3], представившим ее в классической интерпретации pro et contra. В предлагаемой статье акцент сме-

щен в сторону духовно-нравственного контента дискурса. Многие критики оказались не готовы к такой дискуссии. Поэтому их отклики в большинстве своем выглядели весьма поверхностно; исследователи были не в состоянии выйти из плена революционно-демократических доктрин, что и засвидетельствовал в своем обзоре Н.П. Полторацкий.

Пик полемики пришелся на вторую половину 20-х гг. XX в. Эмигрантская среда того времени была противоречива: она состояла не только из не сломленных тяготами эмиграции героев, но и тех, кто плел интриги, занимался инсинуациями, а то и просто злобно-клеветническими наветами. Психологическая атмосфера эмиграции первой волны еще ждет своего исследования, тогда как эмигрантская среда, в частности общественно-политическая мысль российского зарубежья, изучается достаточно интенсивно [4,5,6,7,8,9]. Источниковедческая база дает возможность в рамках необходимого обозначить гуманитарные и философские предпочтения русской эмиграции. К тому времени, несмотря на идеологический плюрализм, сложились два общественно-политических течения: республиканско-демократическое и монархически-реставрационное. В религиозном обосновании духовного возрождения России сомнений не было.

Обратим внимание на ряд объективных факторов, во многом предопределивших характер полемики. Во-первых, это была политическая эмиграция (большинство русских эмигрантов проживало во Франции и Германии, а также в славянских странах – Чехии, Словакии, Болгарии и Сербии). Время существования политических диаспор относительно коротко. Поэтому преобладающим настроением было ожидание возвращения, которое за редким исключением (сменовеховцы, евразийцы и ряд других мелких политических групп) в этот период времени сохранялось. Во-вторых, попытки интеграции в европейское сообщество с достаточно жесткой шкалой приоритетов и ценностей сопровождалась ростом национализма, в частности обострившейся потребностью национальной (само)идентификации. В-третьих, русская эмиграция складывается как альтернативный путь развития России после 1917 г. и как самостоятельное социокультурное явление: «это была модель культурного развития, сформировавшаяся как антитеза большевистскому эксперименту, имеющая свою оригинальную стратегию развития российского послереволюционного общества» [9, с.77].

Думающая и пишущая эмиграция была настроена антибольшевистски, но ее антиболь-

шевизм был лишен национальной окраски. Поэтому национальный патриотизм не был характерен для представителей республиканско-демократического крыла российской эмиграции, ориентирующихся в основном на либеральную идеологию в соответствующей времени и его духу интерпретации.

Напомним важнейшие духовно-этические положения И.А. Ильина, вокруг которых развернулась полемика.

1. И.А. Ильин сформулировал оригинальные представления о духовном начале человека, которое «требует для своего осуществления на земле именно личного, свободного, добровольного, невынужденного и невынужденного обращения души к предмету (под «предметом» философ имеет в виду «духовный предмет», который заключает в себе истину, добродетель, любовь, свободу, право и т.д. – прим. Ю.С.) и Богу» [1, с.235]. Эту мысль философ неоднократно повторяет [1, с.270 и т.д.]. Никакие государственные меры, основанные на повелении или запрещении, не могут «заменить или создать свободного приятия человеком даруемого ему содержания» [1, с.239]. Поэтому «духовное обращение человека или совершается изнутри из его свободы, в глубине его самобытного духовного естества, или не совершается вовсе» [Там же]. Это «исконное, основное убеждение», которому И.А. Ильин всегда следовал.

2. И.А. Ильин называл «нелепостью» отрицание государственного дела. В то же время предупреждал об опасности и гибельности его преувеличения. Государство «второочередно», но необходимо и ответственно. И.А. Ильин убедительно показал необходимость «принять государство». Опорой государства является меч. Тот, кто не признает меча, разрушает государство. Меч – это не нравственно-лучшее, но духовно-необходимое. Книга в целом посвящена поиску «необходимых пределов» государственной мощи.

3. И.А. Ильин всегда четок и определен: «Но если выразить кратко самое главное, то надо будет сказать: если русский человек для строительства России нуждается в чем-нибудь, то прежде всего и больше всего в воспитании волевого характера – в личности и в массах, в школе и политике, в быту и в суде; если что-нибудь могло и может повредить этому делу и ослабить его в жизни – то идеи мироотвержения, непротивленчества и аполитизма» [1, с.268]. Там, где злая воля проявляется как «духовно слепая злоба, ожесточенная, агрессивная, бесстыдная, безбожная, духовно растлевающая и перед средствами не останавливающая, – сопротивление злу пресекающей силой становится не правом

человека, а его обязанностью» [1, с.270]. Такой человек обладает подлинной любовью к добру, для которого «вопрос о победе добра над злом есть вопрос его личного бытия и небытия» [1, с. 272]. Современный исследователь отмечает, что сопротивление должно оказываться внешнему злу, проявляющемуся в насилии, и внутреннему злу, берущему свое начало в «человеческом духовно-душевном мире» [1, с.464]. Добро, как и зло, находится внутри человека. Добро составляет основу духовности человека. Зло – антидуховно. Применение силы – это наименьшее зло. Критериями применения силы в борьбе со злом остаются моральные принципы. И.А. Ильин обозначил этические пределы ненасильственного разрешения конфликтов и сосуществования добра и зла в общественном пространстве. «Тезис Ильина, – резюмирует Н.П. Полторацкий, – о нашей обязанности бороться со злом, принимая на себя ответственность за несправедные пути, когда не остается путей праведных, его призыв к трагическому приятию героической борьбы, – есть ответ на запросы духа, а не политики» [3, с.502].

4. И.А. Ильин формулирует положение о духовном компромиссе, который заключается в принятии «своей личной несправедности в борьбе со злодеем» [1, с.280]. Компромисс меченосца состоит в том, что «он сознательно и добровольно приемлет волею нравственно несправедный исход как духовно неодолимый» [1, с.280]. Это означает, что он берет на себя несправедность и принимает вину за свое решение. Это несправедный, хотя и духовно необходимый путь. Нравственная безысходность изживается поступком. Моральная вина отстраняет человека от блага. Человек осознает это. Поэтому положение человека является нравственно-трагичным. Сильный человек видит трагичность своего положения и изживает трагизм, беря на себя несправедность. Осознание духовного необходимо для принятия вины. Трагедия зла и борьбы с ним требуют подвига. Необходим духовный героизм, достаточно сильный и зрячий, чтобы, совершив несправедный поступок, увидеть его духовную необходимость и снова совершить его в силу духовной необходимости. Героизм меченосца – это «героизм сознательно и убежденно принятой несправедности» [1, с.281]. Трагическая дилемма свидетельствует не о праведности меченосца, но о его правоте. «Взявший меч готов убить, но он должен быть готов к тому, что убьют его самого» [1, с.283]. Вести борьбу не лучшими, но благородными средствами призваны лучшие люди.

5. Дух, по Ильину, определяет любовь. Одухотворенная любовь обуславливает сопротив-

ление злу. Такая любовь составляет единство с добром. Одухотворенная любовь определяется религиозным освящением и персонифицирует каждого человека из множества людей. В соответствии с этим злодействующие люди должны умереть. Это не сентиментальная гуманность. Духовность ограничивает пространство ее распространения. Абстрактная любовь уничтожает себя. Духовная воля определяет пределы фальшивой гуманности. Образы Архангела Михаила и Георгия Победоносца заключают христианское представление о любви, которое не обязывает демонстрировать «умиленную любовь к пострадавшему». Обиженный должен простить личную обиду. Но это не означает, что, простив обиду, он уничтожил зло. Непротивление не означает несопротивление злу вообще, так как «карается зло, его самоутверждение». «Есть люди, по отношению к которым должна быть подавлена последняя вспышка жалости» [1, с.243].

6. В отличие от западноевропейской традиции, обосновывающей ведение борьбы со злом ради справедливости, И.А. Ильин говорит о необходимости сопротивления злу, тем самым закладывая новую традицию сопротивления злу силою, имеющую духовное обоснование. Эта традиция распространяется, в частности, на аналитику войн, что засвидетельствовал П. Робинсон [10, с.497 - 519].

Полемика вокруг основных положений философии сопротивления носила острый характер, нередко переходящий границы общепринятых норм, и становясь просто неприличной ввиду бездоказательности обвинений. И.П. Демидов называет философа «новоявленным, тактическим последователем большевиков» [1, с.305]. Автор упрекает И.А. Ильина в том, что для него толпа – это «демократия». Подобную критику П.Б. Струве справедливо назвал «явным и объективным недомыслием» [1, с.300]. Участники дискуссии сводили политические счёты. З.Н. Гиппиус понимает книгу как политическую. Отсюда и ее оценки как политического трактата и вытекающие из этого суждения реставрационная политика – «гибкое дело», «дешевость философской постройки», «использование религии для политики» [1, с.313, 419 и т.д.]. З.Н. Гиппиус неоднократно высказывалась по поводу книги И.А. Ильина. Причем ее отклики носили явно эмоциональный характер, лишенный аналитической глубины, что является примером некорректности и несвойственно не только научным исследованиям, но и дискуссиям, проводящимся в диалогическом пространстве культуры. В частности, утверждается, что «у Ильина нет определений»

[1, с.374], что «это не философ пишет книги ... это буйствует одержимый» [1, с.376] и т.д. З.Н. Гиппиус не одинока в навешивании ярлыков. Е.Д. Кускова назвала «О сопротивлении злу силою» (Сопротивление – прим. Ю.С.) «религией мести». Прочно забытый ныне Л.М. Добронравов относит миропонимание И.А. Ильина к «православно-утилитарным» [1, с.324]. Именно таких участников полемики авторитетное «Возрождение» назвало «малокомпетентными не только в чисто богословском, но и в философском и историческом отношениях» [1, с.332]. Можно ли дискутировать с такими оппонентами? Ответ оказывается излишним. Отклики анонимов не следует принимать во внимание, потому что это злобные пасквилы, не содержащие никаких доводов, подкрепляющих их претензии на убедительность.

Политическая интерпретация философских проблем снизила градус научной полемики и в то же время обозначила прагматичность «абстрактных» идей, развитых в Сопротивлении, их жизненность и повседневность, возможность использования как руководства к действию. Вовлеченные в полемику являлись участниками революционных событий и наглядно убедились в том, что, как написал В.М. Чернов, «если сопротивление злу силою и мечом в самом деле необходимо, то человеку принадлежит не право, а обязанность вступить на этот путь (...), ибо без этого на свете скоро остались бы одни злодеи и их напуганные рабы» [1, с.349]. Это не «зады» революции; это человеческая потребность в безопасности и свободе. В.М. Чернов пытается убедить читателей в том, что И.А. Ильин «просто никакой философ» [1, с.351], а его книга основана на «дидактических рассуждениях» [1, с.352]. Словно не было докторской диссертации на тему «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека» (М., 1918). В заметке В.М. Чернова много нарочитых упрощений. Чего стоит фраза – «любвеобильный палач, исполняющий смертный приговор любвеобильного судьи» [1, с.361]. Безусловно, это полемический перехлест, нередко используемый в публицистике с целью дискредитации автора и употребляемый по причине отсутствия более весомых аргументов, равно как и упреки в софистичности рассуждений, которая проявляется в игре разными значениями понятий «зло» и «добро» [1, с.358], в рассогласовании идеалов «полноты добра» и «нравственного совершенства» с «физическим понуждением» [1, с.359]. Сравнение аргументации И.А. Ильина, оправдывающего меч, с рассуждениями революционеров о карающей длани Революции, выглядят более чем натянутыми. Вовсе надуман-

ным представляется утверждение В.М. Чернова о том, что И.А. Ильин «повторяет зады революции ... посылно пытаюсь соответственно их «освоить» согласно потребности контрреволюции» [1, с.364]. Упреки в «белом фашизме» – все, что мог предложить В.М. Чернов в критике Сопротивления. Впрочем, с тех пор у определенной части философствующей и политической публики в ходу аналогичные приемы [11]. Как и «политика двойных стандартов», которой небезуспешно пользовались оппоненты И.А. Ильина и которая, по мнению А.Д. Белимовича, «уничтожает всякое доверие к ее носителям и ссылкам на христианство» [1, с.450].

В рассмотренных откликах обращает на себя внимание отсутствие определенности в понимании философско-этических категорий «добро» и «зло», их верификации и дефиниций. Для авторов критических заметок зло – понятие неопределенное; верифицированное в смыслах «собственного мнения» и политических пристрастий, в то время как дискурс И.А. Ильина составляет конкретное зло и его проявления. В этом видится сила, убедительность и доказательность аргументаций философа. Следует обратить внимание и на другую сторону развернувшейся полемики. Обобщая приведенные суждения о Сопротивлении, равно как и те, которые остались за пределами предлагаемого обобщения, современный исследователь резюмирует: «В целом общее мнение выступавших против Ильина заключалось в том, что он сумел изобразить насилие более важным, чем необходимое зло, и придал ему качества нравственного добра» [10, с.514]. Эти и подобные суждения, по мнению Пола Робинсона, «фактически представляют в ложном свете книгу Ильина» [10].

Иной акцент полемика приобрела в откликах А.В. Карташева и В.В. Зеньковского. А.В. Карташев сформулировал вопрос о необходимости сопротивления злу, взглянув на проблему с философской и религиозно-православной стороны. И что же увидел известный богослов? Уничтожающую критику индивидуалистического «эгоизма-нейтрализма», смысл которого состоит в заботе о личном спасении и отвержении ответственности каждого за все совершающееся, хотя бы и не им. Дилемму между греховным попутельством злу и греховной борьбой с ним И.А. Ильин решает на основе анализа двойственного характера акта любви: греховный акт оказывается долгом, несмотря на свою греховность. Этот оригинальный ответ сформулирован «на основе необычно тонкого глубокого анализа», – считает А.В. Карташев [1, с.368]. И.А. Ильин высоко це-

нил мнение А.В. Карташева, в чем признавался в письме к П.Б. Струве [1, с.590].

В.В. Зеньковский справедливо отмечает, что книга И.А. Ильина – это попытка прикоснуться «к вопросу об основах нового мировоззрения, которое должно быть построено в итоге всего пережитого нами» [1, с.426]. Так видится Сопротивление с позиций философии культуры. Это необычный ракурс. Современная культура «внутренне разорвана». В противоположном направлении – как преодоление ее фрагментарности – идет «построение религиозной культуры». Религиозная культура означает освящение жизни, ее внутреннее преображение. Разорванность культуры – это результат «Просвещения», которое «само было связано с расстройством целостности духовной жизни» [1, с.428]. В.В. Зеньковский склонен видеть в книге И.А. Ильина «христианский натурализм, т.е. признание данного, временного, ограниченного за освященное и преображенное, за вечное и универсальное» [1, с.430]. В трактовке В.В. Зеньковского «участие христиан в войне есть крестный путь» [1, с.435]. Поэтому оправдания войне не существует. Значит, «кощунственно и недопустимо звучат слова о «православном мече», но глубокий смысл имеет церковное слово о «христоролюбивом воинстве» [1]. Идея о «христоролюбивом воинстве» не риторика, а желание увидеть в нем «духовный строй». В.В. Зеньковский считает подмену этих понятий недопустимым. (Заметим в скобках, что один из участников полемики – А.Д. Билимович – считает неправомерным противопоставление «христоролюбивого воинства» и «православного меча»). Ссылаясь на многочисленные примеры из русской истории, он утверждает их тождественность [1, с.451]). Обратим внимание на еще одно высказанное В.В. Зеньковским уточнение, касающееся любви. «Не от ума идут озарения, – цитирует он руководителей духовной жизни, – а от сердца, которое не устраняет ясного сознания внутреннего спокойствия и сосредоточенного внимания» [1, с.437]. Человек живет лишь в меру его любви к Богу. Это не мистическая логика. Христианство связывает разум «со всей духовной жизнью, высшее цветение которой она видит в любви» [1, с.438]. «Зрение любви» обозначает вершину морального сознания как конструкта мировоззрения. Участие в жизни мира является «для христианина крестом; бремя мира становится легко и иго его становится благом – но лишь через силу любви» [1, с.439]. Мироотношение на основе любви связывается с потребностью служить Родине.

Показательны отклики на книгу И.А. Ильи-

на церковных иерархов. Митрополит Антоний (Храповицкий) назвал книгу И.А. Ильина «весьма глубокомысленной и интересной» [1, с.368], а ее автора «почтенным философом». Критиков Сопротивления иерарх попрекнул ангажированностью и «полуграмотностью». Антоний, как и подобает митрополиту, с особой скрупулезностью исследовал обращение автора к религиозным текстам и нашел его весьма корректным. Митрополит Антоний предлагает свое прочтение книги И.А. Ильина: если не казнить нераскаившихся злодеев, то они будут казнить мирных граждан. Поэтому если война и казнь – это грех, то это грех всех. Правота И.А. Ильина видится в том, что существуют «жизненные положения», в которых не следует искать «не праведности и не святости, а наименьшего зла и наименьшей несправедности», – цитирует Антоний Сопротивление [1, с.371]. Митрополит Антоний приветствовал появление такой книги, сказав об авторе: «Он глубоко и всесторонне понимает христианское учение о степенях совершенства и смотрит правде в глаза без замалчивания» [1, с.372]. Архиепископ Анастасий Иерусалимский отозвался о книге И.А. Ильина как о «глубокоинтересной и поучительной, отличающейся добросовестностью в исследовании основных вопросов жизни» [1, с.390], а споры и суждения, вызванные ее публикацией, – «лучшим свидетельством ее внутренней силы» [1, с.400]. «Наши интеллигенты, – писал он И.А. Ильину, – неохотно отказываются от своих предубеждений и тех, кто не хочет кланяться с ними старым кумирам, готовы преследовать с таким же фанатизмом, с каким невежественная чернь гнала некогда Сократа» [1, с.401].

Н.А. Бердяев откликнулся на книгу И.А. Ильина обширной статьей «Кошмар злого добра. (О книге И. Ильина «О сопротивлении злу силою»)», опубликованной в журнале «Путь» (№ 4, июнь – июль 1926) и занявший номер со страницы 78 по 87. Так как «Путь» выходил под редакцией Н.А. Бердяева, не приходится сомневаться в программности излагаемых в ней положений. Автор высказывается по четырем категориям: государство, свобода, человек и любовь. Мы остановимся на ряде положений духовно-этического порядка. Н.А. Бердяев назвал книгу И.А. Ильина «кошмарной и мучительной» по причине того, что она «ввергает в застенки моральной инквизиции» [1, с.378]. Это «удушение добром», которое превращается в демоническое добро и становится «моральным извращением» [1, с.379]. Автор заразился «ядом большевизма», но «во имя целей противоположных» [1]. (Поэтому произведения

И.А. Ильина были изъяты из обращения, а само имя философа оказалось в СССР под запретом вплоть до 1989 г.). Упрек в отвлеченно-формальном характере исследования И.А. Ильина лишен оснований потому, что в основе книги лежат универсальные и внеисторические категории добра и зла. Попытка Н.А. Бердяева доказать, что взгляды И.А. Ильина на государство, человека и свободу являются антихристианскими, также не может быть признана состоятельной. Смещение представлений о «Царстве Божьем и царстве кесаря», вероятно, естественно. Цели государства и Церкви соотносимы, но не идентичны. Один из участников полемики Ю. Айхенвальд достаточно определенно вывел аксиому взаимоотношений Церкви и государства: «Однажды навсегда дано признать, что христианство и государство не покрываются друг другом и что государство не может и не хочет быть идеальным воплощением христианского добра. (...) Государству религия нужна только в меру, добро ему нужно не полное, и христианство, понятое всерьез, государству не по росту» [1, с.387]. В этом нетрудно убедиться, сославшись на пример царствования Алексея Михайловича, получившего «титул» Тишайшего, заслужившего авторитет религиознейшего государя и времени его царствования, названного «бунташным веком». Достижение симфонии Церкви и государства – идеал и исходная основа для философских построений и историософских изысканий. Функция Церкви – преодолеть зло в человеке путем внутреннего переустройства; функция государства – сдерживать проявления зла доступными ему средствами.

Люди, убивающие во имя добра и любви, – самые опасные преступники. В этом Н.А. Бердяев, безусловно, прав. Вместе с тем подобное утверждение никак не может быть отнесено к положениям философии Добра в силу отсутствия в Сопrotивлении противоположного утверждения.

Следующий тезис, развиваемый Н.А. Бердяевым, гласит: «И. Ильин не любит человека и от-

рицает любовь к человеку» [1, с.388]. Тогда ради кого осуществляется сопротивление злу? Ради абсолютного добра? Разумеется, для торжества добра и для человека, который этому способствует. Добро – этическая категория. Человек вне морали утрачивает способность стать личностью и становится на путь распада и деградации индивидуального начала. Обвинения И.А. Ильина в том, что он «не столько хочет творить добро, сколько истреблять зло» [1, с.389] безосновательны потому, что сопротивление злу имеет своим результатом торжество добра [12]. Сопrotивлением И.А. Ильин «зовет нас к продолжению борьбы за Россию, к духовному возрождению российской нации и будит в нас веру и бодрость» [13, с.172].

Обсуждение и заключения

Как видим, Н.П. Полторацкий оказался прав, когда заметил: «Критика была не на уровне книги, против которой была направлена» [3, с.527]. Вместе с тем полемика свидетельствует о том, что сопротивление злу необходимо и обязательно ради торжества добра. Показательна в этом отношении предложенная интерпретация духовно-этического аспекта полемики вокруг книги И.А. Ильина «О сопротивлении злу силою». Тезисы Сопrotивления о том, что душа человека, прибегающая к сопротивлению злу, должна постоянно заботиться о духовном очищении и что нет другого праведного пути, который заменил бы неправедный путь силы и меча, остались непоколебимы.

В заключение изложенных и далеких от полноты соображений по поводу духовно-нравственного аспекта полемики вокруг книги И.А. Ильина «О сопротивлении злу силою», обращаясь ко всем тем, кто убежден, что автор «ломится в открытую дверь», выскажу уверенность в том, что самый длинный путь познания – это путь к очевидности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ильин И.А. Собр. соч.: в 10 т. Т. 5. М.: Русская книга, 1995. 608 с.
2. Офферманс В. Добро и зло // Ильин И.А. О сопротивлении злу силою. М.: Айрис-пресс, 2005. С. 492 – 495.
3. Полторацкий Н.П. И.А. Ильин и полемика вокруг его идей о сопротивлении злу силой // Ильин И.А. Собр. соч.: в 10 т. Т.5. М.: Русская книга, 1995. С. 479 – 553.
4. Кравец В.С. Либеральная интеллигенция русского зарубежья 20-х годов XX века о национально-государственном строительстве в постбольшевистской России: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д., 2000. 28 с.
5. Маторина И.И. Проблемы высылки группы «старой» интеллигенции из РСФСР в 1922 г.в контексте взаимоотношений «старой» интеллигенции и советской власти: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Н. Новгород, 2002. 24 с.

6. Онегина С.В. Пореволюционные политические движения российской эмиграции 1925 – 1945 гг.: варианты российской государственной доктрины: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1997. 27 с.
7. Сабенникова И.В. Русская эмиграция (1917 – 1939): сравнительно-типологическое исследование. Тверь: Золотая Буква, 2002. 429 с.
8. Сабенникова И.В. Российская эмиграция (1917 – 1939): сравнительно-типологическое исследование: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2003. 46 с.
9. Сабенникова И.В. Российская эмиграция 1917 – 1939 годов: структура, география, сравнительный анализ // Российская история. 2010. № 3. С. 58 – 80.
10. Робинсон П. «О сопротивлении злу силою»: Иван Ильин и необходимость войны // Ильин И.А. О сопротивлении злу силою. М.: Айрис-пресс, 2005. С. 497 – 519.
11. Троицкий К.Е. Сопротивление злу силою Ивана Ильина как «духовный имморализм» // Вопросы философии. 2017. № 2. С. 154 – 165.
12. Сироткин Ю.Л. Торжество добра в этической системе И.А. Ильина (1882 – 1954) // Правовое и духовно-нравственное воспитание российского офицерства: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (14 ноября 2014 г.). Самара: Самарский юридический институт ФСИН России. 2015. С. 258 – 262.
13. Горянинов И. В защиту памяти профессора И.А. Ильина // Ильин И.А.: pro et contra. СПб.: РХГИ, 2004. С. 169 – 172.

REFERENCES

1. Il'in I.A. Sobr. soch.: v 10 t. T. 5. M.: Russkaya kniga, 1995. 608 s.
2. Offermans V. Dobro i zlo // Il'in I.A. O soprotivlenii zlu siloyu. M.: Ajris-press, 2005. S. 492 – 495.
3. Poltorackij N.P. I.A. Il'in i polemika vokrug ego idej o soprotivlenii zlu siloj // Il'in I.A. Sobr. soch.: v 10 t. T.5. M.: Russkaya kniga, 1995. S. 479 – 553.
4. Kravec V.S. Liberal'naya intelligenciya russkogo zarubezh'ya 20-h godov HKH veka o nacional'no-gosudarstvennom stroitel'stve v postbol'shevistskoj Rossii: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Rostov n/D., 2000. 28 s.
5. Matorina I.I. Problemy vysylki gruppy «staroj» intelligencii iz RSFSR v 1922 g. v kontekste vzaimootnoshenij «staroj» intelligencii i sovetskoj vlasti: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. N. Novgorod, 2002. 24 s.
6. Onegina S.V. Porevolucionnye politicheskie dvizheniya rossijskoj ehmigracii 1925 – 1945 gg.: varianty rossijskoj gosudarstvennoj doktriny: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. M., 1997. 27 s.
7. Sabennikova I.V. Russkaya ehmigraciya (1917 – 1939): sravnitel'no-tipologicheskoe issledovanie. Tver': Zolotaya Bukva, 2002. 429 s.
8. Sabennikova I.V. Rossijskaya ehmigraciya (1917 – 1939): sravnitel'no-tipologicheskoe issledovanie: avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk. M., 2003. 46 s.
9. Sabennikova I.V. Rossijskaya ehmigraciya 1917 – 1939 godov: struktura, geografiya, sravnitel'nyj analiz // Rossijskaya istoriya. 2010. № 3. S. 58 – 80.
10. Robinson P. «O soprotivlenii zlu siloyu»: Ivan Il'in i neobhodimost' vojny // Il'in I.A. O soprotivlenii zlu siloyu. M.: Ajris-press, 2005. S. 497 – 519.
11. Troickij K.E. Soprotivlenie zlu siloyu Ivana Il'ina kak «duhovnyj immoralizm» // Voprosy filosofii. 2017. № 2. S. 154 – 165.
12. Sirotkin YU.L. Torzhestvo dobra v ehticheskoj sisteme I.A. Il'ina (1882 – 1954) // Pravovoe i duhovno-nravstvennoe vospitanie rossijskogo oficerstva: materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem (14 noyabrya 2014 g.). Samara: Samarskij yuridicheskij institut FSIN Rossii. 2015. S. 258 – 262.
13. Goryaninov I. V zashchitu pamyati professora I.A. Il'ina // Il'in I.A.: pro et contra. SPb.: RHGI, 2004. S. 169 – 172.

Об авторе: Сироткин Юрий Львович, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры философии, политологии, социологии и психологии Казанского юридического института МВД России

e-mail: syurij75@gmail.com

© Сироткин Ю.Л., 2018

Статья получена: 09.01.2018. Статья принята к публикации: 15.03.2018.

Статья опубликована онлайн: 20.03.2018.

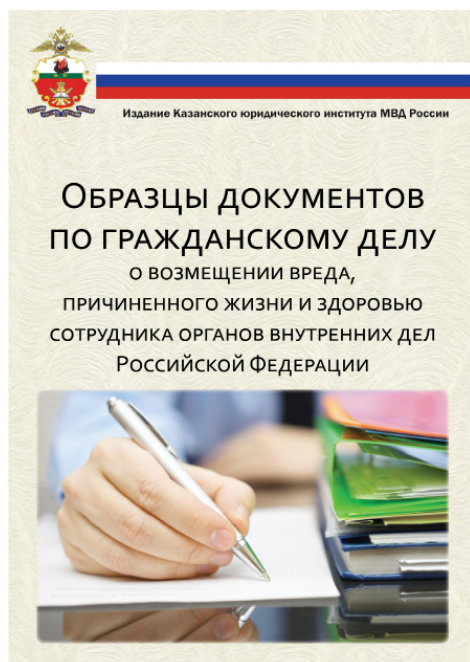
About the author: Sirotkin YUrij L., Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of Philosophy, Political Science, Sociology and Psychology of the Kazan Law Institute of MIA of Russia

e-mail: syurij75@gmail.com

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final version of the manuscript.

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ КАЗАНСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ

Образцы документов по гражданскому делу о возмещении вреда, причиненного жизни и здоровью сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации: учебно-практическое пособие / Н.Ю. Комлев, Л.К. Фазлиева; под ред. доктора педагогических наук, доцента Ф.К. Зиннурова. – Казань: КЮИ МВД России, 2017. – 84 с.

ISBN 978-5-906977-20-5

Учебно-практическое пособие представляет собой образцы документов по гражданскому делу о возмещении вреда, причиненного жизни и здоровью сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации. Данное пособие является наглядным примером составления процессуальных и иных документов, находящихся в гражданском деле при расследовании причинения вреда жизни и здоровью сотрудника ОВД России.

Предназначено для курсантов слушателей, обучающихся в образовательных организациях МВД России, преподавателей, а также сотрудников правоохранительных органов.